

Генри Райдер Хаггард

**Рассказ охотника
Куотермена**

Генри Райдер Хаггард
Рассказ охотника Куотермена
Серия «Рассказы охотника», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125058

Генри Райдер Хаггард

Рассказ охотника

Куотермена

Сэр Генри Кертис, как это знает каждый, кто с ним знаком, – один из самых гостеприимных людей на свете. Недавно, когда я имел удовольствие пользоваться этим гостеприимством в его йоркширском доме, я услышал охотничий рассказ, который мне хотелось бы вам передать. Несомненно, до многих из тех, кто это прочтет, дошли удивительные слухи о том, как сэр Генри Кертис и его друг капитан Гуд нашли в сердце Африки огромный клад из алмазов, которые, как полагают, некогда принадлежали не то египтянам, не то царю Соломону, а может быть, и другому герою древних времен. Впервые я прочел об этом в газетной заметке, как раз когда собирался в Йоркшир погостить у Кертиса. Нечего и говорить, что я ехал туда, сгорая от нетерпения, ведь истории о тайных кладах неизменно волнуют воображение. Едва я переступил порог дома сэра Генри, как сразу же набросился на него с расспросами. Генри не стал оспаривать достоверность заметки, но, несмотря на мои настойчивые просьбы, ни он, ни капитан Гуд, который тоже гостил у него в доме, не захотели рассказать мне историю находки.

– Вы все равно не поверите, – сказал сэр Генри и весело

рассмеялся громким смехом, который, как в бочке, грохочет в его большой груди. – Подождите охотника Куотермэна; сегодня вечером он возвращается из Африки, и пока он не появится, вы не услышите ни слова об этом деле ни от Гуда, ни от меня. Куотермэн все время был с нами; это он проведал о кладе много лет назад. Да если бы не он, мы бы и не разговаривали бы здесь сегодня. А сейчас я иду встречать его.

Больше мне не удалось выжать из него ни слова. Не удалось это и другим гостям, хотя все мы, особенно дамы, томилась от любопытства. Я никогда не забуду, как, собравшись в гостиной перед обедом, они разглядывали неграненый алмаз каратов на пятьдесят. Показывая алмаз, капитан Гуд сказал, что у него есть камни и покрупнее. Если я когда-нибудь видел на прекрасных лицах женщин такую живую заинтересованность и зависть, то именно в тот вечер.

Как раз в этот момент лакей открыл дверь и объявил о прибытии м-ра Аллана Куотермэна. Тут Гуд сунул алмаз в карман и бросился к маленькому человечку, который, прихрамывая, застенчиво вошел в комнату в сопровождении самого сэра Генри Кертиса.

– Ну, Гуд, вот наконец и он, целый и невредимый, – радостно сказал сэр Генри. – Леди и джентльмены, позвольте представить вам одного из старейших охотников и самую лучшего стрелка Африки, убившего больше слонов и львов, чем кто-либо.

Все повернулись к Куотермэну и, словно невзначай, стали

разглядывать маленького хромого человечка. Несмотря на свой малый рост, он вполне этого заслуживал. У него были коротко подстриженные седые волосы, торчавшие на его голове, словно щетина на щетке, мягкие карие глаза, казалось, мгновенно замечавшие все вокруг, и обветренное лицо, которое от непогод и солнца приобрело цвет красного дерева. Когда он отвечал на восторженное приветствие Гуда, я заметил, что он говорит с небольшим акцентом, придающим своеобразие его речи.

За обедом мне посчастливилось сидеть рядом с Алланом Куотермэном, и я, разумеется, всячески старался его разговаривать. Но мне это никак не удавалось. Он подтвердил, что действительно не так давно совершил с сэром Генри Кертисом и капитаном Гудом совершил путешествие в глубь Африки и что они нашли там клад, однако тут же учтиво перевел разговор на другую тему и принялся расспрашивать меня об Англии, где он никогда прежде не бывал – по крайней мере, с тех пор, как вышел из младенческого возраста. Разумеется, это не очень меня интересовало, и я стал искать способа вернуть беседу в нужное русло.

Обедали мы в зале, обшитом дубовыми панелями; на противоположной стене висели два огромных слоновых бивня, а под ними – рога буйвола. Рога были грубые, покрытые наростами, какие бывают у старых самцов. Один рог, весь в глубоких царапинах, на конце был отломан. Заметив, что Куотермэн все время останавливал свой взгляд на этих трофеях,

я спросил, не напоминают ли они ему о чем-нибудь.

– Ну как же, – ответил он с усмешкой, – года полтора назад слон этими бивнями раскроил пополам одного охотника, а что касается рогов буйвола – они чуть не погубили меня и убили слугу, к которому я был очень привязан. Я подарил их сэру Генри, когда он несколько месяцев назад покидал Наталь.

Тут м-р Куотермэн вздохнул и повернулся к даме – соседке по столу, Вряд ли нужно добавлять, что и она изо всех сил старалась разузнать что-нибудь об алмазах.

Вообще за столом чувствовалось с трудом сдерживаемое возбуждение; оно прорвалось, как только слуги покинули комнату.

– О, м-р Куотермэн, – воскликнула дама, сидевшая рядом с ним, – вы должны нам помочь! По милости сэра Генри и капитана Гуда мы долго терпели муки неудовлетворенного любопытства. Они решительно отказывались до вашего прихода проронить хоть словечко о кладе. Мы просто не можем терпеть дольше, прошу вас, начните наконец рассказ.

– Расскажите, – подхватили все, – расскажите, пожалуйста.

Охотник Куотермэн тревожно оглядел сидевших за столом. Ему явно не нравилось, что он вызывает столь пристальное внимание.

– Леди и джентльмены, – сказал он наконец, покачивая седой головой. – Мне неприятно разочаровывать вас, но я

не могу исполнить ваше желание. Видите ли, по просьбе сэра Генри и капитана Гуда я написал простой и правдивый отчет о копиях царя Соломона и о том, как мы их нашли. Таким образом, вы скоро сами прочтете о нашем удивительном приключении. До этого я ничего о нем не скажу; уверяю вас, я ценю вашу любознательность и совсем не важничая. Просто вся эта история полна чудес, и я боюсь ее скомкать. При беглом рассказе я рисковал бы предстать перед вами одним из тех пошлых вручей, которые так часто встречаются среди представителей моей профессии. Эти люди не стыдятся рассказывать о том, чего не видели, и сочинять фантастические истории о зверях, которых никогда не убивали. Думаю, что сэр Генри и капитан Гуд присоединятся к моим словам.

– Да, Куотермэн, я думаю, что вы вполне правы, – согласился сэр Генри. – Те же самые соображения заставили меня с Гудом попридержать языки. Нам не хотелось попадать в один разряд с другими... гм... знаменитыми путешественниками.

Послышался ропот недовольства.

– Думаю, что вы просто водите нас за нос, – несколько резко сказала молодая дама, сидевшая рядом с Куотермэном.

– Поверьте мне, – ответил старый охотник, склонив седую голову с неожиданной для него учтивостью, – хоть я и прожил всю свою жизнь в дебрях среди дикарей, я никогда не осмелился бы, да и воспитание не позволило бы мне обмануть столь прелестное создание.

Эти слова, видимо, удовлетворили молодую даму, действительно очень хорошенькую.

– Все-таки это ужасно, – вмешался я. – Мы просим хлеба, а вы кладете в протянутую руку камень, м-р Куотермэн, Расскажите нам хотя бы историю бивней, висящих напротив, Иначе мы не оставим вас в покое.

– Я неважный рассказчик, – сказал старый охотник, – но если вы готовы примириться с этим, я согласен. Но расскажу я не о бивнях, ибо они имеют отношение к нашему открытию копей царя Соломона, а о рогах, что висят под ними. Этим событиям уже лет десять...

– Bravo, Куотермэн! – воскликнул сэръ Генри. – Мы все будем в восторге. Выкладывайте свою историю! Но сначала наполните бокал.

Маленький человечек повиновался, отпил немного кларета и начал:

«Лет десять назад я охотился в самой глубине Африки, в местности, именуемой Гатгарра, неподалеку от реки Чобе. Со мной было четверо слуг-туземцев – погонщик, фоорлоопер, или, проще говоря, проводник, оба родом из Матабелеленда, готтентот Ханс, бывший раб трансваальского бура, и зулусский охотник Машуне, пять лет сопровождавший меня в походах. Неподалеку от Гатгарры я отыскал подходящий, здоровый участок, суший парк; даже трава сохранилась очень хорошо для этого времени года. Там-то я и разбил небольшой лагерь – штаб-квартиру, откуда мы отправлялись

в разные стороны на поиски крупной дичи, главным образом слонов. Однако мне не везло, слоновой кости я добыл очень мало. Поэтому я очень обрадовался, услышав от нескольких встречных аборигенов, что в тридцати милях от нас, в долине, пасется большое стадо слонов. Я уже собрался перенести в эту долину лагерь вместе с фургоном и всем остальным имуществом, но быстро отказался от этой идеи, узнав, что там свирепствует муха цеце, несущая верную смерть всем домашним животным, кроме ослов. С большой неохотой я решил оставить фургон на попечение двух матабеле – проводника и погонщика волов – и отправился к зарослям колючего кустарника только в сопровождении готтентота Ханса и Машуне.

Мы выступили, как и было намечено, на следующее утро и к вечеру достигли места, где, по словам аборигенов, паслись слоны. Но и здесь нас ждала неудача. Слоны действительно прошли тут: повсюду виднелся их помет, кусты мимозы были выдернуты из земли и перевернуты вниз плоскими кронами – это огромные животные лакомились их сладкими корнями. Однако самих слонов нигде не было.

Они ушли дальше. Нам оставалось одно – следовать за ними, что мы и сделали. Ну и погоня же это была! Недели две или даже больше мы шли следом за слонами. Дважды настигали их (прекрасное, скажу вам, было стадо), но затем снова отпускали. В конце концов мы нагнали их в третий раз, и мне удалось застрелить одного самца. Однако они снова ушли,

да в такие дебри, что преследовать их было бесполезно. Раздосадованный, я прекратил охоту, и мы в прескверном настроении повернули назад, к лагерю, унося с собой бивни застреленного слона.

На пятый день мы добрались до невысокого копые, у подножия которого оставили фургон. Признаться, я взбирался на холм с приятным чувством путника, возвращающегося домой, потому что для охотника фургон – такой же родной дом, как комфортабельное жилище для цивилизованного человека. Я поднялся на вершину копые и взглянул вниз, туда, где стоял наш чудесный фургон с белым верхом. Но... фургона не было. А кругом, сколько хватал глаз, простиралась черная, выжженная равнина. Я зажмурился, посмотрел вновь и на месте лагеря разглядел лишь обуглившиеся бревна. Почти обезумев от горя и тревоги, я со всех ног побежал вниз, а за мной Ханс и Машуне. Не замедляя бега, я пронесся по участку равнины до ключа, где находился лагерь. Добежал – и тут же утвердился в своих худших опасениях.

Фургон со всем, что в нем находилось, включая мои запасные ружья и боеприпасы, был уничтожен степным пожаром.

Отправляясь в поход, я велел погонщику выжечь траву вокруг лагеря, чтобы предотвратить как раз то, что случилось. За излишнюю предусмотрительность я и был наказан! Верно, ветер взметнул пламя к полотняному верху фургона, и этого было достаточно. Не знаю, куда делись погонщик и

проводник; должно быть, они испугались моего гнева и бежали, захватив с собой быков. Больше я их никогда не видел.

Я сидел у источника на почерневшей земле велда, тупо рассматривая обуглившиеся оси и дисселбум моего фургона (1). Уверяю вас, леди и джентльмены, мне хотелось плакать. А Машуне и Ханс громко ругались – один по-зулусски, другой по-голландски. В хорошеньком мы оказались положении. До Бамангвато – столицы государства Кхамы (2), ближайшего пункта, где мы могли рассчитывать на помощь, – было не меньше трехсот миль. А наши боеприпасы, запасные винтовки, одежда, продовольствие – все погибло! Я остался, в чем был: фланелевая рубашка да пара грубых башмаков. Из оружия – только винтовка восьмого калибра и несколько патронов. У Ханса и Машуне тоже по винтовке «мартини» и немного патронов. С таким снаряжением нам предстояло пройти триста миль по пустынной, почти необитаемой местности. Могу заверить вас, что я редко попадал в худшее положение, хотя бывал в разных переделках. Чего, однако, не случается в жизни охотника! Надо было искать выход из положения.

Кое-как скоротав ночь подле остатков фургона, мы утром двинулись в долгий путь к цивилизованным местам. Если б я вздумал подробно рассказывать обо всех трудностях и бедствиях этого ужасного путешествия, мне пришлось бы испытывать ваше терпение далеко за полночь. Поэтому, с вашего разрешения, я перейду прямо к описанию того приключе-

ния, о котором невесело напоминает пара буйволовых рогов на стене.

Коротко говоря, мы провели в пути около месяца, довольствуясь чем придется. Однажды вечером мы остановились на ночевку милях в сорока от Бамангвато. К этому времени положение наше стало уж вовсе не завидным. Мы шли голодные, совершенно измученные, с израненными ногами. К тому же, у меня разыгрался острый приступ лихорадки, отчего я почти ослеп и совсем ослабел; силе моей не позавидовал бы и ребенок. Боеприпасов, в сущности, не осталось – единственный патрон к моей восьмикалиберке да три на обе винтовки «мартини», которыми были вооружены Ханс и Машуне.

Итак, мы остановились на ночевку за час до захода солнца и развели костер – к счастью, у нас еще сохранилось несколько спичек. Помню, что место для привала мы выбрали прелестное. Сразу же за звериной тропой, по которой мы притащились, находилась ложбинка, окаймленная деревцами мимозы с плоскими кронами, а на дне ложбинки из земли бил ключ; чистая ключевая вода разлилась здесь озерком. По берегам рос кресс-салат, точь-в-точь такой, какой только что нам подавали к столу. Есть было нечего – еще утром мы прикончили остатки маленькой антилопы ориби, которую застрелили два дня назад. Поэтому Ханс – он стрелял лучше Машуне – взял два из трех оставшихся патронов к винтовке «мартини» и отправился на охоту в надежде раздобыть к

ужину еще одну антилопу. Сам я слишком ослабел, чтобы идти с ним.

Машуне между тем обламывал засохшие ветки мимозы, чтобы соорудить скерм – шалаш для ночлега. Он поставил его ярдах в сорока от берега. За долгую дорогу львы причиняли нам немало неприятностей. Не далее как прошлой ночью мы едва не подверглись их нападению. Я нервничал, потому что из-за своей слабости не мог надеяться на себя. Не успели мы с Машуне закончить шалаш или, вернее, некое подобие его, как примерно в миле от нас раздался выстрел.

– Слышишь?! – напевно произнес Машуне по-зулусски, не то тревожась, не то радуясь. – Слышишь удивительный звук, который помог бурам повергнуть на землю наших отцов в битве при реке Блад? Ныне мы голодны, отец мой; желудки наши малы и сморщены, как высушенный желудок быка, но скоро они наполнятся добрым мясом. Ханс – готтен-тот, а значит, умфагозан – человек низшего сорта, но стреляет он как надо, конечно, как надо. Да возрадуется твое сердце, отец мой, скоро на огне появится мясо и мы воспрянем духом...

Вскоре солнце закатилось в своем алом великолепии, между землей и небом воцарилась великая тишина африканских дебрей. Львы еще не появлялись, вероятно, дожидаясь луны, для других зверей и птиц настала пора отдыха. Не знаю, как вам передать это ощущение полной тишины; мне, ослабевшему и встревоженному долгим отсутстви-

ем Ханса, она казалась зловещей, словно природа задумалась над некой трагедией, что разыгрывалась перед ее взорами. Тишина эта напоминала о смерти, а одиночество – о могиле.

– Машуне, – сказал я наконец, – где же Ханс? Из-за него у меня тяжело на сердце.

– Не знаю, отец мой, не знаю. Может быть, он устал и заснул, а может, заблудился.

– Машуне, ты же не ребенок, чтобы болтать такие глупости, – ответил я. – Скажи мне, видел ли ты хоть раз за все годы, проведенные на охоте бок о бок со мной, чтобы готтентот заблудился или заснул на пути в лагерь?

– Нет, Макумазан (это, милые дамы, прозвище, данное мне аборигенами. Оно означает – «человек, который встает ночью» или «который всегда бодрствует»). Я не знаю, где он.

Так мы переговаривались, и ни один не хотел произнести вслух то, о чем думал про себя. А думали мы о том, что с бедным готтентотом случилось несчастье.

– Машуне, – сказал я после долгого молчания, – спустись к воде и нарви зеленых растений, что растут там. Я проголодался, мне нужно поесть.

– Нет, отец мой, там, наверное, собрались духи. Ночью они выходят из воды и рассказываются по берегам, чтобы просохнуть. Мне сказал об этом один исануси (3).

При свете дня Машуне был храбрецом, каких я мало встречал, но суеверия имели над ним большую власть, чем

над цивилизованными людьми.

– Что ж, мне самому идти, дуралей? – строго спросил я.

– Нет, Макумазан, если твое сердце тоскует по этой странной траве, как сердце больной женщины, то я пойду, даже если духи сожрут меня.

И он действительно пошел к берегу и вернулся с большой охапкой кресс-салата, который я принялся жадно есть.

– А ты разве не голоден? – спросил я рослого зулуса, смотревшего мне в рот.

– Никогда я еще не был так голоден, отец мой.

– Тогда ешь, – протянул я ему пучок кресс-салата.

– Нет, Макумазан, я не стану есть траву...

– Не станешь есть – умрешь с голоду. Ешь, Машуне.

Некоторое время он с сомнением разглядывал кресс-салат, а затем схватил несколько листьев и засунул их в рот с жалобным воплем.

– О, неужели я родился для того, чтобы питаться зеленой травой, как бык? Знай моя мать такое, она убила бы меня при рождении!

Так он причитал, поедая кресс-салат пучок за пучком. Прикончив все, Машуне заявил, что живот его полон дрянью, которая холодит внутренности, как «снег на горе». В другое время я бы рассмеялся – уж очень забавно он изложил свои мысли! Зулусы не любят растительной пищи.

Едва мы покончили с едой, как услышали громкое рыканье льва, который, видимо, прогуливался гораздо ближе к

шалашу, чем нам хотелось бы. Вглядываясь в темноту и настороженно прислушиваясь, я различил блеск больших желтых глаз и хриплое дыхание. Мы громко закричали, а Машуне подбросил сучьев в костер, чтобы огонь отпугнул льва. Это помогло; на некоторое время лев исчез.

Вскоре взошла круглая луна, накинув на все серебристый покров. Редко видел я такое красивое полнолуние. Помню, что, сидя в шалаше, я мог разобрать в ярком свете неясные карандашные заметки в моей записной книжке. Как только появилась луна, к озерку у подножия холма потянулась дичь. С моего места было видно, как звери проходили по небольшой возвышенности справа от нас на водопой.

Один самец крупной антилопы эланд остановился ярдах в двадцати от шалаша и подозрительно оглядывал его. Прекрасная голова и ветвистые рога животного четко выделялись на фоне неба. Я собрался было подстрелить его в надежде обеспечить нас мясом, но тут же вспомнил, что осталось всего два патрона, а попасть в цель ночью чрезвычайно трудно, и отказался от своего намерения. Эланд спустился к воде. Через минуту-другую оттуда донесся сильный всплеск, а затем быстро-быстро застучали копыта животного, пустившегося в галоп.

– Что это, Машуне? – спросил я.

– Тот проклятый лев, бык его чуют, – ответил зулус на английском языке, о котором имел весьма смутное представление.

Не успел он произнести эти слова, как на противоположном берегу озера послышался звук, похожий на стон. В ответ совсем близко от нас раздался громкий прерывистый рев.

– Клянусь Юпитером! – сказал я. – Их двое. Они упустили антилопу; как бы им не вздумалось теперь поохотиться за нами.

Мы подбросили еще сучьев в огонь и принялись кричать. Львы удалились.

– Машуне, – сказал я, – посторожи, пока луна не станет вон над тем деревом, – к тому времени пройдет половина ночи. Тогда разбуди меня. Да смотри в оба, не то львы быстро доберутся до твоих негодных костей. Мне надо немного вздремнуть, иначе я не выдержу.

– Нкоси! – ответил зулус. – Спи, отец мой, спи спокойно. Мои глаза будут открытыми, словно звезды, и, как звезды, они будут сторожить тебя.

Несмотря на слабость, я не сразу смог последовать его совету. Начать с того, что у меня болела голова от лихорадки, а тревога за готтентота Ханса еще усиливала эту боль. Не меньшую тревогу внушала мне и наша судьба: как мы пройдем сорок миль до Бамангвато с израненными ногами, на пустой желудок, имея всего лишь два патрона? Не прибавляло спокойствия и сознание того, что поблизости во мраке бродит голодный лев, а то и целая стая; хотя такое уже случалось со мной, внимание было напряжено, а это мешало уснуть.

Помнится, в довершение всех бед я томился по трубочке с табаком, но мечтать о ней тогда было все равно что хотеть достать луну с неба.

В конце концов я забылся беспокойным сном, в котором было не меньше кошмарных видений, чем колючек на опунции. Мне, к примеру, снилось, что я наступил босой ногой на кобру, которая встала на хвост и шипела мне в самое ухо: «Макумазан». Шипение повторялось и повторялось, пока я наконец не проснулся.

– Макумазан, там, там, – шептал мне в ухо знакомый голос.

Приподнявшись еще в полусне, я открыл глаза. Машуне стоял подле меня на коленях и указывал в сторону озера. Глянув туда, я увидел такое, что заставило вскочить меня, старого охотника, каким я был уже в ту пору.

Шагах в двадцати от нашего шалаша возвышался большой термитник, а на вершине, сдвинув все четыре лапы, чтобы уместить свое массивное тело, стояла крупная львица. При ярком свете луны я видел, что она пристально смотрела прямо на шалаш, а потом опустила голову и принялась лизать лапы.

Машуне сунул мне винтовку «мартини», прошептав, что она заряжена. Я приник к ложу, попытался прицелиться, но тут же понял, что даже при таком ярком свете не вижу мушки. Стрелять было бы безумием – я мог промахнуться или только ранить львицу. Я опустил винтовку и, поспешно вы-

рвав клочок бумаги из записной книжки, которую просматривал перед сном, стал прилаживать его к мушке.

Дело это было нелегкое, но не успел я как следует закрепить бумажку, как Машуне опять схватил меня за руку и показал на что-то темное в тени небольшой мимозы, росшей шагах в десяти от шалаша.

– Ну, а это что? – прошептал я. – Ничего не вижу.

– Это другой лев, – ответил Машуне.

– Ерунда! Твое сердце мертво от страха, у тебя двоится в глазах.

Я перегнулся через ограду, окружавшую шалаш, и взгляделся попристальнее.

Тут темная масса поднялась и передвинулась в пространство, освещенное луной. Это оказался великолепный темно-гривый лев – один из самых больших, каких я только видел. Сделав два-три шага, он заметил меня, остановился и замер, глядя прямо на нас. Он стоял так близко, что я различал отражение пламени костра в его злых зеленоватых глазах.

– Стреляй, стреляй! – сказал Машуне. – Дьявол приближается. Сейчас он прыгнет!

Я поднял винтовку и навел бумажку, прикрепленную к мушке, прямо на клоч белых волос, торчавший там, где горло льва переходило в грудь. В этот момент лев оглянулся; я по опыту знал, что эти звери почти всегда оглядываются перед прыжком. Так оно и было: лев слегка пригнулся, и его огромные лапы припали к земле, чтобы было удобнее от-

толкнуться. Я поспешно нажал на спусковой крючок «мартини», и как раз вовремя; в тот же момент лев прыгнул. Гулко и отрывисто грянул выстрел в безмолвии ночи. Мгновение спустя огромный зверь упал на голову футах в четырех от нас и покатился в нашу сторону, разбрасывая судорожно бьющими большими лапами ветки кустарника, вкопанные Машуне вместо ограды. Мы выскочили из шалаша с другой стороны, а лев ввалился в него и перекатился через костер. Затем он встал, сел на задние лапы, словно большая собака, и заревел. Боже, как он ревел! Никогда не слышал ничего подобного ни до, ни после. Снова и снова он набирал в легкие воздух и исторгал его с душераздирающим рыком. Вдруг онqredh особенно громкого вопля он свалился, недвижимый, на бок. Я понял, что он издох. Обычно львы умирают на боку.

Со вздохом облегчения я взглянул на термитник, где стояла самка. Она все еще была там и, словно застыв от изумления, глядела через плечо и помахивала хвостом. Но, к нашей великой радости, едва издыхающий зверь перестал рычать, она одним огромным прыжком исчезла в ночи.

Мы осторожно приблизились к распростертому чудовищу. Машуне затянул на зулусском языке импровизированную песню о том, как Макумазан, охотник из охотников, чьи глаза открыты ночью, как днем, засунул руку в пасть льва, пришедшего, чтобы пожрать его, и вырвал сердце зверя. Прибегая к обычной для зулусов гиперболизации, он выражал этим свое удовлетворение по поводу того, что произо-

шло.

Предосторожности оказались излишними: лев был мертв, как чучело набитое соломой. Пуля, выпущенная из «мартини», поразила зверя на расстоянии дюйма от белого пятнышка, в которое я целил, прошла через все тело и вышла у правой ягодицы, близ основания хвоста. У винтовок «мартини» очень сильный бой, но пуля не производит больших разрушений в теле, и выходное отверстие ее невелико. К счастью, убить льва не так уж трудно.

Остаток ночи я спал глубоким сном, положив голову на бок мертвого льва, хотя от его опаленных волос исходил ужасный запах; мне казалось тогда, что в этой позе есть некая доля иронии.

Когда я проснулся, легкие розовые краски рассвета уже покрыли восточную часть небосклона. В первое мгновение я не мог понять, почему тревога сдавливает мне сердце ледяной рукой, но запах паленой шерсти мертвого льва, на туше которого покоилась моя голова, напомнил мне о нашем бедственном положении. Я встал и осмотрелся в надежде увидеть Ханса: если с ним не случилось несчастья, он обязательно должен был вернуться с рассветом. Но сколько я ни смотрел, его нигде не было. Надежды мои померкли: бедняге, видно, пришлось туго. Поручив Машуне развести огонь, я торопливо снял шкуру с великолепного зверя, затем отрезал несколько ломтей мяса, зажарил их, и мы с жадностью принялись за еду. Как ни странно, львиное мясо очень вкус-

но и напоминает телятину, как никакое другое.

Когда мы закончили трапезу, которая была нам так нужна, солнце уже взошло. Напившись воды и помывшись в озерке, мы отправились на поиски Ханса, оставив мертвого льва гиенам. Многолетний опыт сделал из нас с Машуне хороших следопытов, и мы по едва различимым приметам без особого труда обнаружили следы Ханса. Мы шли около получаса, когда примерно в миле от места нашей стоянки отпечатки ног готтентота стали перемежаться со следами одинокого буйвола– самца. По многим признакам мы поняли, что Ханс преследовал буйвола. Наконец мы достигли небольшой поляны, где росла старая низкорослая мимоза; корни ее причудливо нависали над ямой в виде воронки, вырытой кабаном или муравьем. В десяти-пятнадцати шагах от этого колючего дерева начинались густые заросли кустарника.

– Гляди, Макумазан, гляди! – взволнованно воскликнул Машуне, когда мы приблизились к дереву. – Здесь буйвол бросился на него. А здесь вот он остановился, чтобы выстрелить. Посмотри, как крепко он уперся ногой в землю. Вот отпечаток его кривого пальца (у Ханса на ноге действительно был кривой палец). Гляди! Здесь буйвол ринулся вниз по холму, словно каменная глыба по склону. Его копыта рыли землю, как мотыга. Ханс попал в него: у буйвола из раны текла кровь – вот ее пятна. Все написано здесь, отец мой, здесь, на земле.

– Да, – сказал я. – Но где же Ханс?

Не успел я произнести эти слова, как Машуне схватил меня за руку и указал на невысокое дерево рядом с нами. Даже и теперь, джентльмены, тошнота подступает к горлу при воспоминании о том, что я увидел.

На высоте примерно восьми футов над землей, между двумя расходящимися ветвями дерева, висел Ханс, точнее, его труп, видно заброшенный в развилку расви́репевшим буйволом. Одна нога охватывала ветку развилки, верно, в предсмертной судороге. Бок Ханса, как раз под ребрами, был пропорот, и из отверстия вываливались внутренности. Но это еще не все. Вторая нога свешивалась вниз, не доставая до земли футов пяти. С нее была содрана кожа и часть мышц.

Мы оцепенели от ужаса и, не отрываясь, смотрели на страшное зрелище. Нам было понятно, что случилось.

С дьявольской жестокостью, которой отличаются эти животные, буйвол уже после смерти врага стал под его телом и своим шершавым языком, словно напильником, содрал мясо со свисавшей ноги. Я уже слышал подобные истории, но считал их охотничьими выдумками. Однако теперь у меня не оставалось сомнений. Стопа и лодыжка Ханса были обнажены до костей – лучшего доказательства не требовалось.

Мы все еще стояли под деревом, не в силах отвести глаз от истерзанного тела, когда наше оцепенение было прервано самым ужасным образом. Шагах в пятнадцати от нас вдруг с сильным треском раздвинулся густой кустарник, и на нас кинулся буйвол, издавая звуки, похожие на хрюканье свиньи.

Я успел заметить в боку у него окровавленную дыру, оставленную пулей Ханса, и еще большую рваную рану – след поединка со львом; свирепые буйволы часто вступают в схватки со львами.

Зверь приближался с высоко поднятой головой, ведь буйволы обычно наклоняют голову только перед тем, как нанести удар. И сейчас, джентльмены, когда эти большие черные рога красуются на стене, я вспоминаю, с какой быстротой они надвигались на меня десять лет назад, выделяясь на фоне зеленого кустарника. Все ближе и ближе!

Машуне с криком бросился к кустам. Я же инстинктивно вскинул винтовку, которую держал в руке. Стрелять в голову зверя было бесполезно: пуля отскочила бы от толстой кости у основания рогов. Но мне повезло: когда Машуне кинулся в сторону, буйвол немного замедлил бег, вероятно, чтобы повернуть за ним. Это дало мне, пусть ничтожный, шанс на успех, и я выстрелил ему в плечо, израсходовав последний заряд. Пуля ударилась в лопатку, раздробила ее и прошла под шкурой в бок. В первый момент буйвол зашатался, однако не остановился.

Отчаяние придало мне силы. Бросившись на землю, я покатился к корням мимозы и постарался как можно глубже забиться в яму, вырытую муравьем. В следующее мгновение буйвол меня настиг. Опустившись на одно колено (вторая передняя нога, перебитая пулей у плеча, беспомощно болталась), он попытался подцепить меня своим изогнутым ро-

гом и вытащить из ямы. Сначала он наносил яростные удары по комлю дерева и, как видите, расщепил себе рог. Затем он стал действовать хитрее. Засунув голову как можно дальше под корень он принялся описывать рогами длинные полукружия, стараясь задеть меня. При этом он сердито хрюкал, обдавая меня слюной и горячим, влажным дыханием.

Я лежал за пределами досягаемости рога. Однако с каждым ударом яма расширялась, голова буйвола проникала глубже и рог приближался ко мне. Кроме того, буйвол, мотая головой, нанес мне мордой несколько сильных ударов по ребрам. Почувствовав, что теряю сознание, я напряг все свои силы, схватил руками шершавый язык, свисавший из пасти зверя, и рванул во всю мочь. Чудовище взревело от боли и ярости и отпрянуло назад с такой силой, что вытянуло меня на несколько дюймов из ямы. Буйвол тут же снова бросился на меня и на этот раз поддел крючкообразным концом рога под мышку. Я почувствовал, что пришла моя погибель, и завопил.

– Он схватил меня! – кричал я в смертельном ужасе. – Гваса, Машуне, гваса! (Бей его, Машуне, бей!)

Рывок огромной головы – и я был вытасчен из норы, как моллюск из своей раковины! В тот же миг я увидел крепкую фигуру Машуне, приближавшегося к нам с поднятым над головой широким боевым ассегаем. Еще через долю секунды я сорвался с рога и услышал удар копыя, сопровождаемый неопишуемым звуком, который издает сталь, разрывая мыш-

цы. Я упал на спину и, взглянув вверх, увидел, что отважный Машуне вогнал асsegай на добрый фут в тело буйвола и повернулся, чтобы бежать прочь.

Увы! Слишком поздно. Ревя в бешенстве, истекая кровью, лившейся из пасти и ноздрей, дьявольское создание настигло его, подкинуло вверх, как перышко, а затем дважды боднуло распростертое на земле тело. Словно потеряв рассудок, я бросился на помощь Машуне, но не успел сделать и шага, как буйвол издал протяжный стон, тяжело вздохнул и замертво рухнул рядом со своей жертвой.

Машуне был еще жив, однако с первого же взгляда я понял, что его час настал. Помимо других ран удар рога пробил большую дыру в его правом легком.

В совершенном отчаянии я опустился рядом на колени и взял его за руку.

– Он мертв, Макумазан? – прошептал Машуне. – Глаза мои не видят ничего.

– Да, он мертв.

– Черный дьявол поранил тебя, Макумазан?

– Нет, мой бедный друг, это пустяки.

– Как я рад!

Затем наступило долгое молчание, прерываемое только свистом воздуха, выходявшего из раненого легкого при дыхании.

– Макумазан, ты здесь? Я не чувствую тебя.

– Здесь, Машуне.

– Я умираю, Макумазан, все вертится вокруг. Я ухожу, ухожу в темноту. В грядущие дни ты, конечно, будешь иногда вспоминать Машуне, который шел бок о бок с тобой, когда ты убивал слонов, и мы...

То были его последние слова; мужественный дух покинул тело вместе с ним. Я подтащил мертвое тело к дереву и опустил его в яму, а рядом положил асsegай, как того требует обычай его народа, чтобы умерший не отправился в дальний путь безоружным. А потом, леди, признаюсь вам без стыда, я долго стоял один у тела Машуне и рыдал, как женщина».